

Все очень просто. Пухлогубый реалист, замерший на миг с велосипедом на пустом дворе, по уши влюбился...

...Четыре года спустя. Второй курс института. Приезд домой. В Самаре. Из Петербурга! Как не надеть эффектную форму с кантами и погончиками? Юное, почти мальчишеское лицо. Едва пробившиеся усы и бородка... Но он уже женат. Муж. Отец. Глава маленького семейства.

И еще — студент. И еще — литератор, ошеломленный первыми успехами. И еще: «Я думаю, если бы я родился в городе, а не в деревне, не знал бы с детства тысячи вещей — эту зимнюю вьюгу в степях, в заброшенных деревнях, святки, избы, гаданья, сказки, лучину, овины, которые особым образом пахнут, я, наверное, не мог бы так описать старую Москву...» Это трезвое осознание необходимости чувства Родины придет позднее. А на снимке, сделанном опять же самарским фотографом в фотосалоне «у Васильева», останется неосознанное: он будет и будет ездить за сотни верст

«Я РОС СРЕДИ ЗЕМЛИ И НЕБА...»

ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА

ВСМАТРИВАЯСЬ в старые снимки, в лица давно ушедших людей, мы пытаемся догадаться, что отличало их от нас и что сближало их с нами.

Между этими портретами всего несколько лет разницы. Но вот что замечательно: один снимок сделан в том веке, другой в этом. На одном — Лелька. И на другом — все еще Лёля — для домашних. Но и Алексей — в студенческом кругу. И уже кое-когда, в литературном салоне — Алексей Николаевич.

Внешнего перелома в судьбе как будто пока не произошло. Путь, избранный тремящим, как скорый поезд, веком, ясно помечен светлым гербом форменной фуражки реальному училища, чуть позже — серебряным кантом и скрепленными молоточками механического факультета.

Внешне — так. А что же внутри? Хочется столкнуть мгновение с мертвой точкой, хочется взглянуть глазами безвестного фотографа из «салона А. Васильева», увековечивавшего за умеренную плату группами и поодиночке именитых и канувших в Лету обитателей города Самара.

Странный, пыльный, упарившийся в приволжской жаре городок Самара. «На перекрестках жизни, — сохранился у него в памяти, — жесткие ушибы городского, овеяемого запахами мясанных пирогов». «Ах, как здесь гадко! — жалуется в письме товарищу Горький в те же годы. — Дикая здешняя публика... все сносно в моральном отношении поступки объясняет дурными побуждениями».

Но было, верно, что-то и здесь такое, отчего лица этих мальчишек не уставали светиться? Светиться упрямым светом надежды, веры — в свой

народ, в свои силы... Было. Были мать и отчим, хорошие и умные люди.

Был молодой Горький. Еще малоизвестный. А рядом был симбирский совсем пока неизвестный юноша, почти мальчик, — подготовку к университетским экзаменам он совмещает удачно с подготовкой будущего России. В Самаре им организован первый марксистский кружок. Имя этого юноши — Володя Ульянов...

И была атмосфера вокруг них.

Как поразительно соприкасаются, но не встречаются пока, не соединяются в маленьком городке, где все друг друга знают, — эти замечательные люди.

Какой насыщенный, глубокий мир таится под пожелтевшим глянецом...

И вот уже в уютном дворе водружен на треногу тяжеленный аппарат. Фотограф лезет под бархатную черную накидку. Лелька садится на велосипед. Фотограф досадливо делает отмахку: нет, еще не научилось человечество запечатлеть собственную стремительность. Еще нужна статичная поза... Но надо куда-то деть руки? И как отказаться, выставить из кадра неотразимо сверкающую спицами машину с громким именем «Дукс» или «Лейнер»?.. «Секунду, молодой человек... Ну-с? Готово. Вы свободны, юноша...»

Новый век кружит головы

мальчишкам в форменных фуражках реальных училищ. Кружит? Да. Но, по чести сказать, не очень. Остается ведь за кадром немалое. Деревня Сосновка, где вырос. С деревянным домиком в один этаж, запутавшимся в переплетении деревьев, цветов и трав. Остаются ночные бдения над толстенными тетрадами, где вперемешку с цифрами и формулами летит тонкий прихотливый почерк, рассказывающий, задумывающийся о счастье, о любви, о смысле жизни.

Я держу сейчас в руках одну из таких тетрадей. Почерк местами размыт. Но стоящая перед Лелькой задача прочитывается (и решается) довольно легко: «Рассматривая счастье с индивидуальной точки зрения, мы приходим к заключению, что оно вполне зависит от человека, от его внутреннего состояния... Наверно? Может быть. Но писавшему эти строки всего шестнадцать лет... А через несколько страниц — условие еще одной задачи: «Вычислить полную поверхность фигуры, полученной от обращения кругового сектора АВС около радиуса CN...»

Проблема любви, счастья настолько занимает его, что он пытается ее разрешить и в школьном сочинении на совсем-совсем далекую тему: «Значение лесов в жизни страны и вред, причиняемый их истреблением».

в родную Сосновку, а потом, когда и Сосновку продадут за долги, — будет приезжать уже в Самаре, опять же к Александру Леонтьевне, к матери, которой обязан он и чувствами, и воспитанием, и любовью к слову. «Мамуня, я сейчас написал бессмертное стихотворение... Я ведь ужасный стихоплет». «...Целуй тетю Машу крепко. Целуй тебя. Той мальчик».

«Я рос... в растворе среди великих явлений земли и неба. Июльские молнии над садом; ...зимние вьюги, засыпающие сугробами избы до самых труб; весенний шум вод...; люди в круговороте времен года; рождение и смерть, как восход и закат солнца, как судьба зерна... Вот поток дивных явлений, льющийся в глаза, в уши, вдыхаемый, осязаемый...», — напишет он много лет спустя.

А все это он будет чувствовать и переживать именно тогда и именно таким, каким восемьдесят с лишним лет назад две старые фотографии запечатлели его — Лельку, Алексея. Выдающегося советского писателя Алексея Николаевича Толстого. Ему же самому завтра исполнилось бы сто.

...Вглядитесь в лицо этого мальчишки — разве можно подумать, что ему будет когда-нибудь 100 лет?

А. АФАНАСЬЕВ.

Снимки публикуются впервые.